

Цзышу Цзюэ кивнул в ответ:

— Ваш слуга уже выяснил: он действительно ведёт себя беспокойно, и именно он часто связывается с князем Чжао.

Ци Хэн внимательно посмотрел на свиток, лежащий на столе. Его голос был спокоен, как вода:

— Послы Силань уже ждут. В посольстве Наньхэн не хватает человека для встречи невесты — пусть он отправится.

Если уж он так свободен, пусть займётся делом.

В Хэнду действительно не бывает спокойных дней.

— Тогда ваш слуга... пойдёт готовить указ.

Цзышу Цзюэ поклонился и удалился.

Прежде чем Лань Сичжу начал собирать войска, другой указ тайно был отправлен в резиденцию Цинь.

Старшая принцесса Суйхэ, с округлившимся животом, с тревогой смотрела на указ:

— Господин, почему на этот раз император выбрал вас в качестве посла для свадьбы с Силань?

Их семья Цинь всегда держалась в стороне от политики — почему же такое важное дело внезапно свалилось на них?

Цинь Ян смущённо ответил:

— Вероятно... недавние слова князя Чжао вызвали недовольство императора. У него нет подходящего кандидата, и он не может пренебречь послами Силань, поэтому выбрал меня.

С тех пор как придворный евнух зачитал указ в резиденции Цинь, его сердце не находило покоя. Род Цинь был знатным, но Цинь Ян занимал лишь номинальную должность, не имея реальной власти. Почему Ци Хэн отправил его встречать невесту? Неужели он что-то знает...

Не может быть — он ещё ничего не сделал.

Суйхэ вздохнула:

— Князь Чжао слишком много думает. Он всего лишь незаконнорожденный сын женщины из Силань. Император — старший законный сын, его статус говорит сам за себя. Сколько бы он ни замышлял, он не сможет подняться.

Цинь Ян смотрел вдаль, явно не слыша слов своей супруги. Суйхэ заметила это и слегка толкнула его:

— Господин, о чём вы думаете?

Он резко очнулся:

— ...Ни о чём.

Он взял её руку:

— Принцесса, не беспокойтесь. Моя поездка на Юго-Запад займёт всего полмесяца. Вы дома берегите себя и нашего ребёнка.

Суйхэ мягко улыбнулась:

— Не беспокойтесь.

Их руки крепко сжались. Все говорили, что старшая принцесса и её супруг относятся друг к другу с уважением, но, судя по всему, это не было пустыми словами.

Послы Силань уже ждали на Юго-Западе, и Наньхэн не мог больше медлить. На следующий день Цинь Ян во главе свадебного посольства отправился в путь.

Лань Сичжу же уже собрал войска и готовился выступить из Хэнду с восьмьюдесятью тысячами солдат. Перед отправлением Лань Сиюнь напомнил ему:

— На поле боя мечи не различают врагов — береги себя.

Остальное осталось невысказанным. Казалось, в Хэнду уже не было ничего, что могло бы удержать Лань Сичжу. Он сидел на коне, оглядываясь в сторону дворца. Почему-то в его сердце осталась лёгкая грусть.

Войны всегда длятся долго. На этот раз, не считая времени в пути, он вряд ли вернётся раньше чем через месяц.

Целый месяц он не увидит Ци Хэна, который только и делал, что принуждал его к близости. Его красивое, но капризное лицо внезапно возникло в мыслях Лань Сичжу, и он никак не мог от него избавиться.

Яо Гуйлинь, стоя на одном колене перед конём, почтительно доложил:

— Генерал, восемьдесят тысяч солдат уже готовы — мы можем выступить немедленно.

Лань Сичжу собрался с мыслями:

— Хорошо.

Он потянул поводья и поднял взгляд на огромную армию. Затем наклонился к Яо Гуйлиню:

— Шунь не шумит?

Эти слова были слышны только им двоим. Яо Гуйлинь колебался, не зная, стоит ли говорить. Увидев его смущение, Лань Сичжу догадался о состоянии Лэй Шуня. С тех пор как тот очнулся, он был подавлен, постоянно твердил, что хочет тренироваться с другими. Но сейчас он даже не мог поднять что-то тяжёлое — одна рука была как будто парализована. Несмотря на все их утешения, что это временно, он не верил, что через три-пять лет сможет снова сражаться на поле боя.

Теперь, когда войска собирались в поход, ему, должно быть, было очень тяжело. Все эти годы он шёл в бой вместе с Лань Сичжу, и впервые оставался в стороне.

Лань Сичжу выпрямился:

— Ладно, пусть остаётся в Хэнду и лечится.

Он поднял руку и громко скомандовал:

— Выступаем немедленно!

Его голос разнёсся за пределами Хэнду, долго не утихая. Боевые знамёна Наньхэн развевались на ветру, постепенно удаляясь от города вместе с армией.

Скорость марша не могла сравниться с императорскими процессиями — они двигались гораздо быстрее. Это был форсированный марш: за день они проходили не менее двухсот ли. На севере ситуация была критической — Лань Сичжу беспокоился, что Бэйди начнут наступление, и армия шла без остановок.

Всего за полдня они прошли более ста ли. С полудня до вечера, когда закат окрасил небо, смешивая тёмно-фиолетовые и золотые оттенки, наступила ночь.

Чем дальше на север, тем холоднее становилось, особенно в этом месяце, когда лёд ещё не растаял. Они вынуждены были остановиться и разбить лагерь на ночь.

В лагере зажгли костры. Большинство солдат были из кавалерии Сюаньюй и армии Бэйжун — они много раз вместе сражались и умирали бок о бок, их связывала крепкая дружба.

В лагере не было строгих правил. Солдаты сидели вокруг костра, болтали, и любые грубые слова могли быть произнесены без страха.

Один из них громко заявил:

— Здесь, на улице, лучше. В Хэнду даже слово нужно обдумывать, чтобы не нарушить какой-нибудь запрет. Я бы предпочёл остаться в Сайбэе — если бы не сопровождал генерала, я бы никогда не ступил в этот проклятый Хэнду.

Его сосед подхватил:

— Кто бы спорил. На тренировочном поле я даже пердеть боялся — эти солдаты из Хэнду выглядят как бобы, только и знают, что соблюдать этикет. Если бы их отправили на войну, они бы сломались от одного взгляда Бэйди.

Солдаты громко рассмеялись. Они были из Сайбэя — их характеры были грубыми и свободными, они говорили без стеснения. Но были и те, кто отличался — например, командир Яо. Он сидел прямо, лишь мягко улыбаясь, не говоря ни слова.

Лань Сичжу, как их командир, хотя и был выше их по статусу, всё же мог легко находить с ними общий язык. Он держал в руке чашу с вином, молча улыбаясь.

Обычно в лагере вино было запрещено, но в северных походах было иначе. Вино согревало, и они находили в этом больше удовольствия, чем в тёплой одежде. Хотя ночью им разрешалось пить, Лань Сичжу не позволял им напиваться — лишь немного, чтобы согреться.

Один из солдат подтолкнул Яо Гуйлиня:

— Командир Яо, выпейте с нами.

Он поднял чашу:

— Какой мужчина не умеет пить? Попробуй немного.

В процессе из кармана Яо Гуйлиня выпал платок. Солдат, уже слегка пьяный, обрадовался:

— Командир, откуда у тебя женский платок?

Яо Гуйлинь запаниковал, пытаясь забрать его обратно, но солдат развернул платок:

— «Я живу у истока Янцзы, ты — у устья. День за днём думаю о тебе, но не вижу, пью воду из одной реки...»

Даже если эти грубые солдаты не разбирались в поэзии, они могли догадаться, что это означало. Тот же солдат подшучивал:

— Командир, у тебя есть возлюбленная? Кто эта девушка? Скажи генералу — когда мы вернёмся из Сайбэя, мы будем ждать свадьбы.

В лагере раздались дружные крики. Яо Гуйлинь в центре внимания покраснел до ушей:

— Отдай мне!

Он силой забрал платок обратно. Лань Сичжу, казалось, оставался в стороне, но он знал, что Яо Гуйлинь был стеснительным:

— Хватит шуметь. Позже отправляйтесь спать — мы должны добраться до Миюня через два дня.

Солдаты, услышав это, постепенно успокоились. Яо Гуйлинь всё ещё был слегка красным, опустив голову.

<http://bllate.org/book/16394/1485008>